

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Ответственность за соучастие в преступлении по российскому уголовному праву»

Обучающийся

А.С. Арсеньев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

докт. юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Избранная к исследованию тема дипломной работы сохраняет свою актуальность на протяжении длительного периода времени. Институт соучастия является одним из самых обсуждаемых в научной доктрине и вызывающий множество споров не только среди учёных современного периода, но и советской и дореволюционной эпох.

Одна из причин столь пристального внимания обусловлена тем, что при соучастии усиливается интенсивность преступной деятельности за счет количества лиц, вовлечённых в процесс посягательства.

Данные официальной статистики красноречиво свидетельствуют о стабильно высоком уровне преступлений, совершаемых в соучастии.

Исследование проводилось в соответствии с очерченными объектом и предметом работы.

Также определена цель работы – это уголовно-правовой анализ института соучастия.

Для достижения указанной цели обозначены задачи исследования.

Методы, применяемые при исследовании, общенаучные и частно-научные.

Основу работы составили – учебная литература, монографии, научные статьи, а также материалы судебной практики.

Структура дипломной работы: введение, три главы, разбитые на десять параграфов, заключение; список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общие положения об институте соучастия.....	7
1.1 Понятие и признаки соучастия.....	7
1.2 Формы и виды соучастия.....	19
Глава 2 Виды соучастников в преступлении.....	33
2.1 Организатор преступления.....	33
2.2 Подстрекатель преступления.....	38
2.3 Пособник в преступлении.....	41
2.4 Исполнитель преступления.....	46
Глава 3 Ответственность соучастников в преступлении.....	50
3.1 Основания и пределы ответственности соучастников в преступлении	50
3.2 Эксцесс исполнителя.....	55
3.3 Добровольный отказ от соучастия.....	58
3.4 Проблемы квалификации действий соучастников в преступлении со специальным субъектом.....	62
Заключение.....	66
Список используемой литературы и используемых источников.....	69

Введение

Актуальность темы. Институт соучастия является одним из самых обсуждаемых в научной доктрине и вызывающий множество споров не только среди учёных современного периода, но и советской и дореволюционной эпох.

Одна из причин столь пристального внимания обусловлены тем, что институт соучастия представляет собой сложное, многогранное уголовно-правовое явление, включающее определение признаков соучастия. Требуется, четкое понимание и применение норм закона для правильного определения ролей организатора, подстрекателя, пособника и исполнителя, а также для решения вопроса об ответственности соучастников.

В этом контексте изучение судебной практики показывает, что часто возникают трудности с доказательством факта соучастия и определением степени вины каждого участника преступной деятельности.

Необходимо также отметить, что при соучастии усиливается интенсивность преступной деятельности за счет количества лиц, вовлечённых в процесс посягательства. Преступления, совершаемые в соучастии, зачастую имеют более пагубные последствия, чем посягательства, осуществленные единолично.

При этом их число стабильно остаётся высоким, что подтверждается данными статистики.

Так, за 2024 год в составе группы совершено 115089 преступлений, что на 2,6% выше по сравнению с 2023 года. Аналогичным образом отмечен рост посягательств, совершенных в составе организованной группы и преступного сообщества. Это 38067 случаев, что на 19,6% превышает число совершенных преступлений в таком составе в 2023 году [66].

Таким образом, тема соучастия требует глубокого уголовно-правового анализа. Она остается важной и актуальной как для теоретических исследований, так и для практического применения в области уголовного права.

Степень разработанности темы. Многие учёные-юристы занимались и продолжают заниматься исследованием различных аспектов института соучастия, а именно анализом форм соучастия, видов соучастников, вопросов ответственности и наказания соучастников. Подробно рассматривается данный институт и в учебной литературе. Однако, несмотря на высокую степень разработанности темы соучастия, по-прежнему, остаются спорные и недостаточно исследованные вопросы, такие как пределы ответственности соучастников, квалификация действий соучастников и т.д.

Следовательно, данная тематика требует дальнейшего исследования и обсуждения.

Объектом исследования является институт соучастия как сложное уголовно-правовое явление, включая сущность соучастия, его формы и виды и другие правовые категории.

Предметом исследования являются нормы главы 7 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а также иных правовых источников, содержащих положения, касающиеся института соучастия.

Целью исследования является уголовно-правовой анализ института соучастия, предусмотренный главой 7 УК РФ.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи:

- проанализировать понятие и признаки соучастия;
- установить и охарактеризовать формы и виды соучастия;
- дать характеристику видам соучастникам: организатора, пособника, подстрекателя и исполнителя;
- определить основания и пределы ответственности соучастников в преступлении;
- проанализировать вопросы ответственности при эксцессе исполнителя;
- проанализировать основания добровольного отказа от соучастия;

- выявить и проанализировать проблемы квалификации действий соучастников в преступлении со специальным субъектом.

Методологическая основа исследования. При написании дипломной работы использовались различные методы исследования, от общенаучных до частно-научных. В частности, были применены три основополагающих метода – дедукция, индукция и синтез. А рассмотрение вопросов о формах соучастия и видах соучастников проводилось на основе сравнительно-правового метода – одного из частно-правовых методов.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ.

Теоретическую основу составили труды следующих советских и российских авторов: А.А. Арутюнов, Е.В. Благов, А.П. Бохан, В.В. Васюков, Б.В. Волженкин, Р.Р. Галиакбаров, И.Е. Горемычкин, В.К. Дуюнов, А.М. Зацепин А.М. И. Звечаровский, Г.А. Есаков, М.И. Клебанов, О.В. Климанова, А.П. Козлов, А.В. Наумов, В.И. Пинчук и многих других.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, три главы, состоящие из десяти параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения об институте соучастия

1.1 Понятие и признаки соучастия

В отличие от многих уголовно-правовых категорий, законодательное определение которых отсутствует, как, к примеру, «уголовная ответственность» и «состав преступления», основные понятия, связанные с институтом соучастия, регламентируются и международно-правовыми актами, и УК РФ.

Так, среди международных нормативно-правовых актов, имеющих отношение к теме исследования, можно назвать Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ (далее – Модельный кодекс) [36].

Здесь институту соучастия посвящена глава 7. Соответственно, понятие соучастия сформулировано в ст. 34 Модельного кодекса. Оно полностью совпадает с содержанием ст. 32 УК РФ, где определяется соучастие на национальном уровне.

Итак, соучастие трактуется в ст. 34 Модельного кодекса и ст. 32 УК РФ как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [36], [73].

В законодательном определении соучастия принято выделять ряд признаков, группируемых на объективные и субъективные.

Объективные признаки дифференцируются на количественные и качественные.

Количественный признак – это участие в преступлении двух или более лиц, а качественный – совместность деятельности соучастников [70, с. 207].

Оба указанных объективных признака вызывают интерес со стороны исследователей как имеющие ряд проблем.

В частности, относительно количественного признака действует основное правило, что участвующие в преступлении лица должны быть способными нести уголовную ответственность [70, с. 207]. При этом в ст. 32

УК РФ об этом не говорится, но прописано в ряде Постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Так, в абз. 5 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 закреплено: «в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [55].

Схожие положения содержатся в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29: «Если лицо совершило кражу, грабеж или разбой посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по частям первым статей 158, 161 или 162 УК РФ как действия непосредственного исполнителя преступления (часть вторая статьи 33 УК РФ)» [52].

Примечательно, что в ранее действовавшем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 г. № 4 излагалось иное видение данного вопроса: «Действия участников группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР, или по другим предусмотренным законом основаниям» (абз. 2 п. 9) [50].

В.И. Пинчук обращает внимание, что трактовка группового преступления, закрепленная в абз. 2 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 г. № 4, ранее также была отражена в двух Постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР в 60-ые годы прошлого столетия [48, с. 4-5]. В связи с этим автором пишется следующее: «Эти Постановления вызвали критические замечания практиков и ученых,

усмотревших в данном случае попытку создать конструкцию соучастия с одним виновным лицом» [48, с. 5].

В пришедшем на смену Постановлению от 22.04.1992 г. № 4 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 уже ничего не поминалось об описанной выше ситуации. То же самое следует сказать и о ныне действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 [57].

Учитывая такие разночтения в позициях высших судебных инстанций Д. Мелешко, в своём исследовании приводит несколько примеров из судебной практики за период 2011-2013 гг., содержащих противоположные позиции по рассматриваемому вопросу. В двух случаях содеянное квалифицировалось как совершенное группой лиц по предварительному сговору независимо от факта того, что отдельные участники посягательства не несут ответственность, так как являлись невменяемыми. В других двух судебных приговорах было отмечено, что признаки соучастия, наоборот, отсутствовали из-за невменяемости (по одному приговору) и недостижения возраста уголовной деликтоспособности (по второму приговору) фигуранта преступной деятельности [35, с. 57-58].

Соответственно, неопределенность в законодательной формулировке соучастия, а равно разночтения в правоприменении, приводят к плюрализму мнений и в научной доктрине.

Так, одни авторы не согласны с тем, что при совершении преступления двумя лицами, один из которых не является субъектом, соучастие отсутствует.

К примеру, Г.А. Есаков полагает то, что «...умышленности может не быть на стороне «негодного» субъекта, не влияет на квалификацию действий «годного», поскольку вина в соучастии остается индивидуальным понятием, а в силу ч. 1 ст. 34 УК РФ «ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления». Это своего рода «односторонняя субъективная связь», при которой «годный» субъект осознает факт совместного совершения

преступления с другим лицом, т. е. «негодным» субъектом, а последнему этого осознавать необязательно... квалификация действий виновного как групповых оправдывается тем, что он умышленно совершает умышленное преступление совместно с другим лицом; то, что последнее не подлежит уголовной ответственности, не влияет на ответственность первого» [19, с. 13].

В свою очередь Р.Р. Галиакбаров пишет следующее: «В процессе реализации насильственного посягательства объективно участвуют несколько физических лиц. Следовательно, групповой способ исполнения отражает здесь объективную характеристику совершения насильственного преступления несколькими физическими лицами, когда только один из них обладает признаками субъекта преступления» [14, с. 40].

Таким образом, если Г.А. Есаков признаёт наличие соучастия в рассматриваемой ситуации, то Р.Р. Галиакбаров говорит не о соучастии, а о групповом способе совершения преступления.

Позиции Р.Р. Галиакбарова, применительно к групповому изнасилованию, придерживается и А. Бохан, аргументируя это через призму интересов потерпевшего: «В конечном итоге для жертвы изнасилования, когда оно совершается группой лиц, никогда не возникает вопрос, имеются ли здесь признаки соучастия. Она воспринимает себя как жертву именно группового посягательства» [9, с. 34]. В этом же разрезе групповое изнасилование рассматривает Н. Святенюк: «Групповое изнасилование имеет самостоятельное уголовно-правовое значение, качественно повышающее общественную опасность посягательства. Поэтому изнасилование должно быть признано групповым даже тогда, когда только один из участников группы, выполняющих объективную сторону посягательства, соответствовал всем признакам субъекта преступления. Главное заключается в наличии факта содействия членов соответствующей группы друг другу в выполнении объективной стороны изнасилования и осознании этого обстоятельства надлежащим субъектом» [65, с. 47].

Ещё одна группа авторов отрицает как наличие соучастия, так и группового способа совершения преступления.

Основная их аргументация базируется на положениях ст. 19 УК РФ, где прописаны признаки субъекта преступления:

«Отраженные в данной статье общие условия уголовной ответственности нельзя не относить ко всем соответствующим лицам, то есть и к соучастникам преступления» [8, с. 7].

«Множественность субъектов преступления означает фактическую включенность в совершение одного и того же преступления двух и более участников, а также наличие у каждого из соучастников признаков субъекта преступления (возраста уголовной ответственности и вменяемости)» [75, с. 59].

«Обоснованием подобного подхода выступает прежде всего законодательная характеристика субъекта преступления, которым может быть признано вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, а также более главенствующее положение ст. 19 УК РФ перед ст. 32 УК РФ» [67, с. 24].

Мы считаем, что говорить о соучастии при совершении посягательства с участием «несубъекта», нельзя.

Так, В.К. Дуюнов пишет следующее: «Соучастие предполагает участие в совершении умышленного преступления не менее двух лиц. Условием наличия его признается достижение каждым соучастником возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 20 УК), и их вменяемость (ст. 19 и 22 УК)» [16, с. 135].

Но факт использования в общественно опасном деянии группового способа должен ужесточать ответственность того, кто признается субъектом.

В этой связи необходимо, во-первых, уточнить ст. 32 УК РФ указанием на то, что соучастие – это участие двух и более субъектов преступления.

Во-вторых, поддержать точку зрения И. Звечаровского и В.И. Пинчука, предложившие усилить уголовную ответственность за отдельные

преступления за счёт введения квалифицирующего признака «совершение преступления с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность» [18, с. 32], [48, с. 5-6].

Что касается качественного признака, то и он вызывает споры среди учёных.

Так, в частности, Ф.Г. Бурчак придерживается точки зрения, что «совместность деятельности соучастников» – это не чисто объективный признак, а, если так можно выразиться, смешанный признак, то есть «объективно-субъективный в силу того, что он также включает психическую связи между соучастниками» [11, с. 106].

А.К. Субачев критически относится к позиции Ф.Г. Бурчака. Он пишет: «...объективные и субъективные начала имеют различную среду существования, так что рассматривать их синтезировано кажется ...неправильным... совместность деяния относят к группе объективных признаков соучастия в преступлении» [67, с. 17-18].

Аналогичное мнение высказано в одном из учебников по уголовному праву: «...этот признак отнесен к разряду объективных, поскольку совместность поведения нескольких лиц относится к деянию, которое рассматривается в рамках учения об объективной стороне преступления» [70, с. 207].

В содержательном плане в анализируемом признаке соучастия в отдельных источниках выделено три условия:

- «взаимодополнение деяний каждого субъекта;
- единый преступный результат (общественно опасные последствия);
- наличие причинной связи между деяниями всех соучастников и наступившими преступными последствиями» [69, с. 80].

Схожую позицию занимает В.К. Дуюнов:

- «объединённые усилия соучастников;

- действия всех соучастников находятся в причинной связи с преступным результатом, достигнутом их объединенными усилиями» [16, с. 135].

В другом учебном пособии указывается на два условия:

- «единый процесс деятельности;
- общность усилий, направленных на достижение конкретного преступного результата» [69, с. 88].

В третьем учебнике также перечислены два условия:

- «процесс достижения единой цели;
- деятельность, образываемая для того, чтобы стал возможным результат вообще, либо чтобы он был достигнут в более короткие сроки» [72, с. 208].

Преступление, которое было совершено в соучастии, это «результат осуществляемой совместной деятельности соучастников, где действия каждого обладают причинной связью, формируют слагаемые преступного результата.... Таким образом, пределы уголовной ответственности соучастников преступлений определяются их участием в совершении преступления и возможностью доведения его до конца, а также за приготовление к преступлению или покушение на преступление в случае не достижения цели» [74, с. 753-754].

В целом необходимо сделать вывод о сходстве позиций всех авторов относительно понимания признака совместности как составляющего объективного признака соучастия.

Теперь рассмотрим каждое из условий «совместности» подробно (на примере ст. ст. 105, 131 и 158 УК РФ).

Так, взаимодополнение, объединение усилий соучастников, единый процесс их деятельности при убийстве, как следует из абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1, выражается в том, что «один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные

повреждения» [51]. При совершении изнасилования – в применении насилия к жертве со стороны одного и в совершении полового акта со стороны другого (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16) [57]. Если речь идёт о краже, то проявление единства действий соучастников здесь может заключаться в том, что одно лицо взламывает дверь, решетки, запоры, а второе – проникает в жилище и совершает непосредственное изъятие чужого имущества (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29) [52].

Соответственно, единство преступного результата заключается:

- при убийстве – наступление смерти потерпевшего от совместных «усилий» соучастников;
- при изнасиловании – результат презюмируется в силу того, что деяния считается оконченным с момента начала полового акта. Иными словами, факт насильственного полового сношения становится возможным в ходе совместных действий соучастников;
- при краже – причинение имущественного ущерба вследствие общих действий соучастников.

Причинно-следственная связь выражается в том, что:

- при убийстве – действия каждого из соучастников «внесли вклад» в наступление смерти потерпевшего;
- при изнасиловании – причинно-следственная связь здесь не является обязательным признаком объективной стороны. Её можно трактовать следующим образом – начало полового акта вызвано совместными действиями соучастников;
- при краже – действия каждого из соучастников способствовали наступлению преступных последствий в виде имущественного ущерба.

К субъективным признакам относят:

- «умышленное участие в совершаемом совместно преступлении;

– участие лиц в совершении именно умышленного преступления» [70, с. 207].

Относительно первого субъективного признака, существует две позиции.

Первая – соучастие может быть только с прямым умыслом. Это мнение А.И. Рарога: «волевой элемент умысла соучастников может заключаться только в желании именно избранным способом принять участие в совместном совершении данного преступления» [64, с. 122].

Вторая – соучастие возможно и с косвенным умыслом.

Вот точка зрения А.П. Козлова: «с косвенным умыслом могут совершать действия исполнители и пособники; ни организаторы, ни подстрекатели не могут действовать с косвенным умыслом» [30, с. 66].

Схожа позиция А.М. Зацепина. Но он допускает косвенный умысел только у исполнителя «в силу того, что остальные соучастники не причиняют общественно опасных последствий» [17, с. 213].

В свою очередь Е.В. Благов отрицает косвенный умысел при соучастии. Автор пишет: «Косвенным умыслом всегда охватывается психическое отношение только к побочному продукту действий (бездействия)... Если исполнитель для наступления побочного продукта ничего не предпринимает, то иные лица для этого даже не могут ничего предпринимать. При таких условиях соучастие в преступлении исключено, а, стало быть, исключено и наличие у соучастников разных видов умысла. Отсюда исполнитель так же, как и иные соучастники совершает преступление, только с прямым умыслом» [7, с. 117], [8, с. 8].

И.Е. Горемычкин положительно относясь к соучастию с косвенным умыслом, оспаривает точку зрения А.П. Козлова о невозможности подстрекателя действовать с таким видом умысла. Он пишет: «подстрекая будущего исполнителя к хищению, подстрекатель может относиться безразлично к последствиям в виде причинения ущерба в крупном размере, т.е. действовать с косвенным умыслом. Возможность соучастия с косвенным

умыслом допустима только в преступлениях с материальным составом. Само собой, в преступлениях с двумя формами вины соучастие по отношению к дополнительным тяжким последствиям исключается, поскольку последние охватываются лишь неосторожной формой вины» [15, с. 52-53].

Допускает косвенный умысел при соучастии и В.К. Дуюнов, «...когда тот или иной соучастник, осознавая общественную опасность совершаемого деяния и предвидя его общественно опасные последствия, не желает их, но сознательно допускает либо к ним относится безразлично» [16, с. 136].

К примеру, сочетание прямого и косвенного умысла у соучастников может иметь место при совершении убийства общеопасным способом, когда, применяя взрывное устройство в отношении одного потерпевшего они сознательно допускают (зная о поражающей силе данного устройства) возможность наступления смерти иных лиц.

И.Е. Горемычкин, исследуя вопрос о субъективных признаках соучастия обращает внимание на проблему установления субъективной связи между соучастниками.

В частности, в одном из учебных пособий по данному поводу указывается на «обязательность взаимной осведомленности соучастников о совершении конкретного преступления» [69, с. 81].

В свою очередь Л.Л. Кругликов допускает наличие односторонней субъективной связи в сложном соучастии: «Соучастником-пособником должно быть признано лицо, которое, зная о преступном намерении исполнителя, без ведома последнего, как бы ненароком, подкладывает ему орудие преступления. В этой ситуации налицо одностороннее соучастие, ибо со стороны исполнителя его нет (ввиду отсутствия субъективного признака – осознания), а со стороны пособника – есть» [33, с. 60].

И.Е. Горемычкин придерживается позиции, что «односторонняя субъективная связь будет возможна /невозможна в зависимости от наличия/отсутствия предварительного сговора и от наличия/отсутствия распределения ролей (то есть, в зависимости от форм соучастия)» [15, с. 54].

Мы же солидарны с мнением А.К. Субачева, который пишет: «в любом случае двусторонняя субъективная связь должна быть между функционально взаимодействующими между собой соучастниками... Аргументом в пользу подобного подхода выступает главенствующая роль исполнителя, являющегося основным причинителем вреда. В свою очередь деятельность иных соучастников причиняет преступный результат лишь опосредованно. По этой причине взаимодействовать между собой им не обязательно. Следовательно, наличие одной лишь «вертикальной» двусторонней виновной связи не исключает соучастия в преступлении.» [67, с. 33].

В.К. Дуюнов также отмечает, что научная позиция о том, что не исключено соучастие при отсутствии двусторонней «субъективной связи исполнителя и иных соучастников...не согласуется со ст. 32 УК...» [16, с. 136]

Что касается второй составляющей субъективного признака соучастия – это совершение только умышленных преступлений, то указание в ст. 32 УК РФ на форму вины исключает возможность соучастия в неосторожных деяниях.

Соответственно, учёные исследуют вопрос о так называемом «неосторожном сопричинении» в ситуациях, когда неосторожное преступление совершается несколькими лицами. [10, с. 217-224].

Однако рассмотрение данного вопроса выходит за пределы нашего исследования.

Но стоит обратить внимание на возможность соучастия в преступлениях с двумя формами вины. И по этому вопросу, опять же, среди учёных нет единства мнений.

Проблема заключается в том, что, с одной стороны, преступления с двумя формами вины, исходя из положений ст. 27 УК РФ, признаются, в целом, умышленными, что согласуется с положениями ст. 32 УК РФ. Но, с другой стороны, здесь присутствует неосторожная форма вины, а это уже исключает соучастие.

Так, В.В. Васюков считает, что «соучастие в преступлениях с двумя формами вины возможно» [12, с. 13].

Аналогична точка зрения К.И. Клебанова: «...в преступлениях с двумя формами вины соучастие возможно даже в рамках существующей доктрины признания лишь умышленного участия двух и более лиц в умышленных преступлениях, поскольку по прямому указанию уголовного закона преступления с двумя формами вины признаются совершенными умышленно» [27, с. 180].

Вторая группа учёных, и мы с ними солидарны, отрицает возможность соучастия в преступлениях с двумя формами вины.

К примеру, Е.В. Благов справедливо отмечает: «...участвовать в том, что исполнитель рассчитывает предотвратить или вовсе не предвидит, просто невозможно» [8, с. 9].

Таким образом анализ понятия и признаков соучастия свидетельствует о том, что в силу несовершенства законодательной конструкции ст. 32 УК РФ по каждому признаку соучастия возникают спорные вопросы.

Аккумулируя все точки зрения, мы приходим к следующим выводам:

Соучастие образуют только действия лиц, являющихся субъектами преступлений.

Субъективная связь между соучастниками должна быть двухсторонней.

Соучастие может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом.

Соучастие в преступлениях с двумя формами вины невозможно, поскольку в конструкцию субъективной стороны таких деяний входит неосторожная форма вины.

1.2 Формы и виды соучастия

Как отмечает В.К. Дуюнов, «вопрос о формах и видах соучастия в науке решается неоднозначно» [16, с. 136]. В.И. Пинчук это объясняет «отсутствием законодательной регламентации данного вопроса» [48, с. 13].

Автор выделяет «две основные формы соучастия: соисполнительство и соучастие с исполнением различных ролей» [16, с. 136]. Также он отдельно указывает и виды соисполнительства, основываясь на положениях ст. 35 УК РФ, а это:

- «группа лиц;
- группа лиц по предварительному сговору;
- организованная группа;
- преступное сообщество (преступная организация)» [16, с. 137].

Таким образом В.К. Дуюнов не отождествляет формы и виды соучастия, в отличие от других авторов.

В одном из учебников есть формулировка «формы (виды)». Здесь перечисленные виды соисполнительства рассматриваются как формы соучастия [70, с. 212-213]. Отметим, что и Конституционный Суд РФ именуется их формами соучастия. В частности, такая трактовка встречается в Определении от 25.06.2024 г. № 1494-О [44]. А в Определении от 25.04.2024 г. № 878-О также указывается основание выделения данных форм – степень сплоченности участвующих в совершении преступления лиц [43].

В учебнике под редакцией И.Я. Козаченко называется три формы соучастия:

- «простое (соисполнительство);
- смешанное (сочетающее соисполнительство и соучастие с распределением ролей);
- сложное (соучастие с распределением ролей)» [68, с. 299-300].

Отдельно здесь говорится и о видах соучастия, совпадающих с теми, которые приводит В.К. Дуюнов. При этом в качестве основания

дифференциации на виды здесь указывается «степень согласованности и уровень сплоченности соучастников» [68, с. 300-301].

А.В. Наумов говорит только о формах соучастия, выделяя их в зависимости от «характера выполнения соучастниками объективной стороны совершаемого преступления (просто и сложное соучастие)» [37, с. 490], а также от «наличия или отсутствия между соучастниками предварительного соглашения на совершение преступления (соучастие без предварительного и с предварительным соглашением)» [37, с. 490].

В учебнике под редакцией А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова к формам соучастия, как и у А.В. Наумова, отнесено соучастие с предварительным соглашением и без такового. А вот простое и сложное соучастие рассматриваются как разновидности соучастия [71, с. 233].

Анализ всех точек зрения относительно форм и видов соучастия позволяет сделать вывод, что наиболее приемлемой считается позиция, которой придерживается В.К. Дуюнов, поскольку основным признаком, характерным как для группы лиц, так и для организованной группы и преступного сообщества (организации), является соисполнительство, а значит все они являются разновидностями соисполнительства.

Исходя из положений ч. 2 ст. 33 УК РФ суть соисполнительства заключается в «непосредственном участии в совершении преступления исполнителя совместно с другими лицами» [73]. Данные положения УК РФ конкретизируются в различных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Так, в п. 9.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 при характеристике группы лиц по предварительному сговору указывается на непосредственное участие каждого в выполнении всех или части действий, образующих объективную сторону преступления [58].

Схожая трактовка даётся в абз. 1 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 [59].

В одном из Обзоров Верховного Суда РФ дана следующая формулировка:

«Непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает, что исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другими лицами (соисполнителями)» [38].

В.К. Дуюнов выделяет в соисполнительстве объективную и субъективную стороны. При этом «объективная стороны обусловлена внешним проявлением деятельности соучастников» [16, с. 137], а именно:

- «совершение действий, образующих признаки одного и того же состава преступления;
- совместное выполнением с другими соучастниками объективной стороны преступления» [16, с. 137].

В свою очередь «субъективная сторона соисполнительства отражает внутреннее, психическое отношение соучастников к совершаемому посягательству» [16, с. 137], что подразумевает «осознание каждым соучастником, что преступное намерение им реализуется совместно другим (ми) соучастником (ми)» [16, с. 137].

Необходимо отметить, что соисполнительство в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ трактуется по-разному в зависимости специфики объективной стороны конкретного посягательства.

Так, в соответствии с абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 при убийстве соисполнительство должно выражаться в «непосредственном участии в процессе лишения жизни потерпевшего, и применении к нему насилия» [51].

К примеру, по приговору Хабаровского краевого суда О.А.СА. и Х.С.СА. были осуждены за убийство группой лиц.

Осужденные обжаловали приговор в апелляционном порядке. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции отказывая в удовлетворении жалоб и оставляя приговор в силе, в частности, сослалась на положения ч. 1 ст. 35 УК РФ и разъяснения,

содержащиеся в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1, а также указала следующее: «суд первой инстанции обоснованно признал О.А.СА. и Х.С.СА. исполнителями причинения смерти потерпевшему группой лиц, что вытекает из установленного факта нанесения каждым из осужденных множественных ударов руками и ногами по различным частям тела, в том числе голове, а О.А.СА., кроме того, и не менее одного удара деревянной палкой по телу» [2].

Здесь мы видим все критерии проявления соисполнительства – избивание жертвы несколькими лицами, удары по жизненно важным органам ни одним, а несколькими лицами, связь между действиями лиц и наступившим летальным исходом и т.д. Иными словами, все участники данного инцидента внесли «вклад» в конечный результат – смерть потерпевшего.

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 соисполнительство при похищении человека толкуется более абстрактно – «совершение отдельных действий, входящих в объективную сторону данного преступления» [60].

Соответственно, здесь речь идет не только о применении насилия (что может иметь при похищении человека), но и о иных действиях – один соучастник осуществляет захват жертвы, второй её перевозит (перемещает), а третий удерживает в каком-то помещении. Все они должны рассматриваться как соисполнители, т.к. перечисленные действия, согласно обозначенному Постановления Пленума Верховного Суда РФ, образуют состав преступления по ст. 126 УК РФ.

Из абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 следует, что соисполнительство при изнасиловании включает не только насильственный половой акте со стороны как минимум двух лиц, но и ситуации, когда действия одного соучастника ограничиваются применением насилия к жертве, а другого - половым сношением. [57].

К примеру, один «блокирует» жертву в помещении (что также является насилием), а второй – вступает с ней в половой акт.

Всё это обусловлено тем, что объективная сторона ст. 131 УК РФ имеет сложную конструкцию.

Рассматривая разновидности соисполнительства, перечисленные в ст. 35 УК РФ, необходимо отметить следующее:

Отличие между видами соисполнительства, указанными в ч. ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ заключается в наличии предварительного сговора.

Исходя из положений ч. 2 ст. 35 УК РФ следует, что предварительный сговор заключается в том, что соучастники должны «заранее договориться о совместном совершении преступления» [73].

Однако в силу того, что законодатель не конкретизирует в чём заключается суть договоренности заранее, этот вопрос перешёл на рассмотрение Верховного Суда РФ.

Так, в абз. 3 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 указывается, что, во-первых, «форма такой договоренности может быть любой» [51], а во-вторых, «она должна состояться до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего» [51].

В свою очередь в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 про форму договоренности ничего не говорится, однако также прописано, что сговор соучастников должен состояться «до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества» [52].

Таким образом, соучастники, могут «обговорить» план будущего преступления в устной форме, или зафиксировать это на «бумаге». Но сам сговор должен состояться до начала выполнения объективной стороны преступления.

Так, по приговору Самарского областного суда И. и Г. были оправданы в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ.

В качестве мотивировки принятого решения суд, в частности, указал: «по смыслу ч. 1 ст. 35 УК РФ, лицо, действующее в группе лиц при отсутствии

предварительного сговора, не может нести ответственность за действия, совершенные другим лицом, и их последствия. Поскольку предварительного сговора на причинение тяжкого вреда здоровью С.З.П.о. не органами предварительного расследования не судом не установлено, судебная коллегия считает, что отсутствуют основания для вывода о том, что действия Г. и И., которые ножевых ударов не наносили, имели наряду с иным лицом умысел на причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью» [5].

Данный пример показывает насколько важно правильно определить есть сговор или его нет не только в целях определения вида группы, но и в целом для решения вопроса об ответственности лица.

Установление наличия или отсутствия предварительного сговора при совершении группового преступления может влиять на квалификацию содеянного.

Дело в том, что законодатель, учитывая факт того, соучастие «группой лиц по предварительному сговору» более опасно, чем «без предварительного сговора» в ряде составах преступлений ужесточил ответственность только за данную разновидность соисполнительства.

К примеру, в п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ одновременно предусмотрена ответственность и за совершение посягательств группой лиц и группой лиц по предварительному сговору.

А вот п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ – только за похищение человека и незаконное лишение свободы группой лиц по предварительному сговору.

Следовательно, если эти деяния совершены группой лиц без предварительного сговора, то при отсутствии других отягчающих признаков содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 126 УК РФ и ч. 1 ст. 127 УК РФ.

Аналогичная ситуация складывается в отношении иных преступлений, к примеру, предусмотренных ст. ст. 133-135 УК РФ или Главой 21 Раздела 8

УК РФ. Факт того, что посягательства осуществлены в составе группы лиц должен учитываться только как отягчающее обстоятельство по п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Необходимо обратить внимание, что в силу того, что обязательным признаком «группы лиц» и «группы лиц по предварительному сговору» является элемент «соисполнительства», его отсутствие не образует данные виды соучастия и не может квалифицироваться по соответствующему отягчающему признаку, если он предусмотрен в составе конкретного преступления.

Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики:

«По приговору Королевского городского суда четыре гражданина были осуждены за приготовление к убийству по найму группой лиц по предварительному сговору. Судом апелляционной инстанции из объёма обвинения был исключен квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору» в силу того, что из приведенного в приговоре описания преступного деяния, непосредственным исполнителем убийства потерпевшего должно было выступить лишь одно лицо. По смыслу ч. 1 ст. 35 УК РФ убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, а в соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Соучастие в форме организации, подстрекательства и пособничества группы не образует» [45].

Ещё более опасной разновидностью соисполнительства является организованная группа.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ отличительными признаками организованной группы от рассмотренных выше видов «простой» группы, являются:

- «устойчивость;
- объединение для совершения одного или нескольких преступлений» [73].

В свою очередь к признакам устойчивости группы, созданной для совершения нескольких преступлений, в теории отнесено:

- «длительность существования группы;
- количество совершенных преступлений;
- стабильность состава группы;
- тесная взаимосвязью между ее членами;
- согласованность действий соучастников;
- постоянство форм и методов преступной деятельности» [69, с. 83].

В случаи с одним преступлением выделяются следующие признаки, свидетельствующие об устойчивости группы:

- «тщательность и длительностью подготовки сложного преступления;
- техническое оснащение группы» [69, с. 83].

В отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ содержится конкретизация относительно сущности организованной группы. К примеру, в абз. 4 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.1999 г. № 1 указывается на следующие признаки организованной группы:

- «тщательное планирование преступления;
- заранее подготовка орудия преступления;
- распределение ролей между участниками группы» [51].

Обращаясь к материалам судебной практики, мы увидим, что помимо «устойчивости», в качестве одного из критериев организованности группы указывается также на сплоченность:

Так, приговором Бодайбинского городского суда Иркутской области от 19 марта 2024 года два гражданина, С. и П.Н. были осуждены по п. п. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ и ч. 5 ст. 191 УК РФ, т.е. за совершение преступлений в составе организованной группы. «Осужденные не согласились с вынесенным

приговором и подали кассационные жалобы, в частности, оспорив факт совершения преступления в составе организованной группы» [20].

Однако вышестоящая судебная инстанция не согласилась с доводами жалоб, в частности, сославшись на положения ч. 3 ст. 35 УК РФ, и указав, что в приговоре были отмечены и раскрыты, со ссылкой на обстоятельства дела, характерные для этой формы организации признаки, такие как организованность, устойчивость, сплоченность [20].

Также и в Кассационном определении от 07.11.2024 № 224-УД24-60-А6 было отмечено, что: «группа, в которую при изложенных в приговоре обстоятельствах вступили осужденные, обладала признаками сплоченности и устойчивости, имела руководителя, стабильный состав участников, заранее объединившихся на почве общих религиозных убеждений с единой целью совместного совершения противоправных действий в интересах МТО «ИГ», отличалась функциональным распределением ролей и действовала длительное время» [23].

Ещё одно ключевое отличие посягательства в составе организованной группой от «группового» преступления, отмеченное ранее, – для привлечения к ответственности за некоторые преступления, например, по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ с признаком «группа лиц», необходимо непосредственное участие в лишении жизни потерпевшего. А вот для установления признаков организованной группы это обстоятельство значение не имеет.

Так, «И.Ф. Закиров признан виновным в том, что, действуя в составе организованной группы, совершил убийство В. и П.» [3].

Оставляя приговор в силе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила: «Согласно ч. 6 ст. 35 УК РФ участники организованной группы несут уголовную ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Исходя из данной нормы, несмотря на то, что суд не признал доказанным нанесение непосредственно И.Ф. Закировым телесных повреждений потерпевшим, его действия правильно расценены как соисполнительство в

совершении убийства двух лиц, поскольку, состоя и действуя в составе организованной группы, он способствовал предоставлением информации о времени завершения обоими потерпевшими работы и их следовании домой осуществлению нападения на В. и П. и их убийству» [3].

Наиболее опасным видом соисполнительства является преступное сообщество (преступная организация). Это подтверждается установлением в ст. 210 УК РФ отдельной ответственности за создание и участие в деятельности такого преступного образования.

В отличие от проанализированных видов соисполнительства, законодатель не рассматривает совершение деяния в составе преступного сообщества (преступной организации) ни как квалифицирующий признак состава преступления, ни как отягчающее наказание обстоятельство по п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Как следует из содержания п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 в таких случаях содеянное «образует совокупность ст. 210 УК РФ и соответствующей статьи Особенной части УК РФ, но с признаком либо «организованная группа» либо «группа лиц» («группа лиц по предварительному сговору»)» [54].

В связи с тем, что при определении преступного сообщества (преступной организации) в ч. 4 ст. 35 УК РФ используется термин «организованная группа», необходимо отграничивать данный вид соисполнительства от «простой» организованной группы.

Из положений ч. 4 ст.35 УК РФ следует, что такими отличительными признаками преступного сообщества (преступной организации) являются:

- «структурированность;
- объединение организованных групп;
- единое руководство объединенных организованных групп;
- цель объединения – совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» [73].

Дальнейшее толкование перечисленных признаков мы уже находим в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12:

Под «структурированностью» здесь понимается «группа лиц, заранее объединившаяся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящая из подразделений (подгрупп, звеньев и другие), характеризующаяся стабильностью состава и согласованностью своих действий, а также взаимодействием различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределением между ними функций, наличием возможной специализации в выполнении конкретных действий» (абз. 2 п. 3) [54].

«Объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, совместное выполнение иных действий, связанных с функционированием такого объединения» (п. 5) [54].

Так, «приговором Канавинского районного суда г. Н. Новгорода от 12 июля 2023 года Н. был осужден за руководство преступным сообществом, а С.А. и В. – за участие в преступном сообществе. Осужденные обжаловали приговор в кассационном порядке, отрицая факт существования преступного сообщества» [46].

Но суд кассационной инстанции оставил приговор и апелляционное определение Нижегородского областного суда в силе, мотивировав принятое решение следующим:

«Судом первой инстанции установлены и подробно описаны обстоятельства, время и цель создания преступного сообщества, его структурированность, наличие территориально обособленных групп с указанием их расположения, роли отдельных его членов, а также сплоченность сообщества, стабильность руководящего состава, указана и подтверждена согласованность действий членов преступного сообщества. Длительность

существования преступного сообщества, постоянство форм и методов преступной деятельности, детальное распределение ролей, конспирация деятельности, а также наличие нескольких основных руководителей, как верно отмечено судом апелляционной инстанции, подтверждают соответствие существовавшего сообщества определению, данному в ч. 4 ст. 35 УК РФ» [46].

Как мы видим, в данном судебном акте детально прописаны основные признаки преступной организации, вытекающие из содержания ч. 4 ст. 35 УК РФ

Любопытно отметить, что в редакции до 03.11.2009 г. в ч. 4 ст. 35 УК РФ в качестве основного признака преступного сообщества (преступной организации) указывалось на «сплоченность» организованной группы, а элемент структурированности отсутствовал вовсе.

Изменение понятия рассматриваемого вида соисполнительства произошло с принятием Федерального закона от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ.

Как установлено ранее, признак «сплоченности», по-прежнему, употребляется правоприменителем для характеристики организованной группы, указанной в ч. 3 ст. 35 УК РФ.

В этой связи, дабы не существовало несогласованности между нормами УК РФ и правоприменительной практикой, и учитывая тот факт, что судебный прецедент не является в нашем государстве нормой права, целесообразно изменить положения ч. 3 ст. 35 УК РФ за счёт введения, наряду с признаком «устойчивости», признака «сплоченности».

Второй формой соучастия, как установлено выше, является «сложное соучастие (соучастие в тесном смысле слова)» [70, с. 213] или «соучастие с исполнением различных ролей (с распределением ролей)» [16, с. 136].

Такая форма соучастия имеет место в том случае, когда «между отдельными соучастниками преступления распределяются роли исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника» [70, с. 213].

Как отмечено в вышеприведенном приговоре Королевского городского суда, в таком случае нельзя вести речь о групповом преступлении [45]. Соответственно и признак соисполнительства здесь будет отсутствовать.

Поскольку глава 2 настоящего исследования отдельно посвящена анализу видов соучастников, которые, как раз и выделяются при сложном соучастии, то в рамках данной главы этот вопрос затрагиваться не будет. Перечисляются виды соучастников в преступлении и раскрывается сущность каждого из видов в ст. 33 УК РФ.

По итогам анализа вопросов, рассмотренных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы:

Проблемы, обусловленные законодательным определением соучастия, сформулированном в ст. 32 УК РФ, и вытекающим из него субъективных и объективных признаков, порождают споры в научной доктрине, а иногда и противоречия в судебной практике.

Исследование понятия и признаков соучастия свидетельствует о том, что в силу несовершенства законодательной конструкции ст. 32 УК РФ по каждому признаку соучастия возникают спорные вопросы.

Аккумулируя все точки зрения, мы приходим к следующим выводам:

Соучастие образуют только действия лиц, являющихся субъектами преступлений. Субъективная связь между соучастниками должна быть двухсторонней.

Соучастие может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом.

Соучастие в преступлениях с двумя формами вины невозможно, поскольку в конструкцию субъективной стороны таких деяний входит неосторожная форма вины.

Проанализировав различные источники по данному вопросу, мы пришли к выводу, что необходимо внести уточнения в ст. 32 УК РФ за счёт указания на то, что соучастником может являться только лицо, отвечающее признакам субъекта преступления.

Однако стоит обратить внимание на высказываемые в доктрине предложения об усилении ответственности для лиц, вовлекающих в преступную деятельность граждан, не являющихся субъектами преступлений в силу различных обстоятельств.

Отсутствует в научной доктрине единство в понимании форм и видов соучастия. Мы полагаем, что два этих термина отождествлять нельзя.

При этом, считаем, что существует две формы соучастия – простое (или соисполнительство) и сложное (с исполнением или распределением ролей).

Соответственно в ст. 35 УК РФ раскрываются понятия и признаки разновидностей соисполнительства, в частности, организованной группы.

При исследовании данной уголовно-правовой категории выявлены определенные расхождения в признаках, указанных в ч. 3 ст. 35 УК РФ, и перечисляемых в судебных актах.

В этой связи, дабы не существовало несогласованности между нормами УК РФ и правоприменительной практикой, и учитывая тот факт, что судебный прецедент не является в нашем государстве нормой права, целесообразно изменить положения ч. 3 ст. 35 УК РФ за счёт введения, наряду с признаком «устойчивости», признака «сплоченности».

Глава 2 Виды соучастников в преступлении

2.1 Организатор преступления

Как справедливо отмечает В.К. Дуюнов, «организатор – наиболее опасная фигура из числа соучастников. Повышенная общественная опасность организатора заключается в том, что, воздействуя на иных соучастников, он направляет их волю на совершение преступления, объединяет их усилия на совместную деятельность в ходе приготовления или непосредственного исполнения преступления» [16, с. 138].

В.И. Пинчук, высказывая ту же самую мысль о роли организатора, также пишет, что он является «координатором всех действий, необходимых для успешного совершения преступления» [48, с. 25].

Доказательством слов указанных авторов, в частности, является то, что законодатель предусмотрел в ч. 4 ст. 31 УК РФ специальные условия для организатора, дающие основания к признанию в его действиях добровольного отказа от совершения преступления, что подробно будет проанализировано в главе третьей настоящего исследования. В свою очередь и правоприменитель при назначении наказания учитывает повышенную опасность организатора преступления.

Всё вышесказанное обуславливает причину, по которой мы начали анализ соучастников именно с фигуры организатора, не придерживаясь последовательности перечисления видов соучастников, изложенной в ст. 33 УК РФ.

Из положений ч. 3 ст. 33 УК РФ следует, что понятие организатора преступления здесь фактически не даётся, а перечисляются виды лиц, признаваемых таковыми (их четыре):

- «организатор совершения преступления;
- руководитель исполнением преступления;

- создатель организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);
- руководитель организованной группы или преступного сообщества (преступной организации)» [73].

В.К. Дуюнов раскрывает сущность организаторских действий через призму объективной и субъективной составляющей.

С объективной стороны организация совершения преступления выражается в: «подготовке преступления, разработке план его осуществления вербовке соучастников, распределении между ними ролей, обеспечении орудиями и средствами преступления...» [16, с. 138].

В свою очередь «руководство исполнением преступления означает управление деятельностью уже сложившихся соучастников: распоряжение ими на месте непосредственного совершения преступления, распределение между ними обязанностей и другие подобные действия» [70, с. 210].

Об объективных признаках действий организатора упоминается и в судебной практике: «Между тем организация совершения преступлений и руководство их исполнением сами по себе предполагают особо активную роль лица в совершении преступлений и являются признаками объективной стороны совершенных преступлений» [39].

При этом суть действий организатора правоприменитель трактует аналогично доктринальному пониманию: «осужденный Б. являлся организатором и руководителем созданной им организованной группы, определял роли и степень участия в реализации единого преступного умысла каждого из участников преступлений, координировал их действия, разработал преступный план действий, разрешал вопросы финансового и материально-технического обеспечения организованной группы, соблюдения мер конспирации при ведении преступной деятельности и придания преступным действиям соучастников видимости законных» [39].

Что касается субъективной стороны действий организатора, то в рамках первого параграфа предыдущей главы рассматривался вопрос о том, с каким

видом умысла может иметь место соучастие. Применительно к организатору все авторы, чьи исследования нами были проанализированы, сходятся во мнении, что для него характерен только прямой умысел. В частности, об этом так пишет В.К. Дуюнов: «деятельности организатора характеризуется прямым умыслом. Он осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, предвидит их последствия и желает этого» [16, с. 138].

О.В. Климанова, учитывая дифференциацию видов умысла, принятую в доктрине, дополнительно отмечает, что умысел организатора «может быть неопределенным с учетом широты видов организации преступления. Организатор, в частности, может руководить лишь отдельными фазами преступной деятельности исполнителя» [29, с. 68].

Как обращает внимание В.К. Дуюнов, «мотив и цели организатора могут не совпадать с мотивами и целями других соучастников» [16, с. 139].

Действительно, к примеру, при совершении убийства по найму, организатор, как правило, руководствуется личными мотивами (ненависть, ревность, месть и т.д.), а исполнитель, получивший оплату «за заказ», корыстными.

О.В. Климанова при анализе понятия «организация совершения преступления» уточняет, что в таком случае речь должна идти, «в большей степени о предварительной преступной деятельности, выраженной в формировании плана преступления, подборе орудий, средств и т.п. Главное, что эти действия непосредственно связаны с совершением конкретного преступления» [29, с. 68].

Соотнося данную позицию с такими разновидностями соисполнительства как «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору» можно сделать вывод, что выделение действий по организации преступления при соучастии «группой лиц» невозможно, в отличие от «группы лиц по предварительному сговору».

В свою очередь о второй разновидности организатора преступления – руководителе исполнения преступления О.В. Климанова пишет следующее:

«Руководство совершением преступления является заглавной функцией лица, обусловленной задачей, например, контроля за исполнителями в ходе преступления, которое уже началось» [29, с. 68].

Следовательно, действия организатора в контексте «руководитель преступной деятельностью» могут иметь место и при соучастии «группой лиц без предварительного сговора», когда, к примеру, исполнитель начинает выполнение объективной стороны, а организатор контролирует его и даёт указания по тому, как следует выполнять посягательство.

Что касается третьей вида организатора – создателя организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), то необходимо отметить следующее:

Относительно определения термина «создатель организованной группы» обратимся к абз. 5 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29, учитывая содержание которого можно сделать вывод, что подобного рода действия должны выражаться в «подборе участников такой группы, планирование и подготовка к совершению ими преступлений» [52].

Исходя из положений абз. 1 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 под «создателем преступного сообщества (преступной организации) необходимо понимать «создания в составе организованной группы структурных подразделений или объединения организованных групп, ...приобретение и распространение между участниками орудий или иных средств совершения преступления, договоренность о разделе территорий и сфер преступной деятельности» [52].

Теперь рассмотрим четвертого организатора – руководителя организованной группы или преступного сообщества (преступной организации).

Ответ на вопрос о сущности руководства организованной группой можно дать на примере Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.01.2023 г. № 4-УДП22-70-А1, где

прописано, что «Е.А. Махонин, будучи организатором, руководил созданной им в целях незаконного производства наркотических средств организованной группой..... С этой целью Е.А. Махонин привлек к участию в организованной группе других лиц, определял их роли, координировал их действия, разработал преступный план действий, разрешал вопросы финансового и материально-технического обеспечения группы, принимал непосредственное участие с Ю.Н. Пашталяном и А.Е. Махониной в незаконном производстве наркотических средств» [24].

Под руководством преступного сообщества (преступной организации) понимается «осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации)» (абз 1 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12) [54].

Данный пример является показательным в части описания сущности действий организатора при совершении общественно опасных посягательств.

Анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что в некоторых из них при характеристике соучастия не проводится разграничение между организатором и подстрекателем к преступлению. В частности, в абз. 5 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11 указывается, что «действия командира (начальника), отдавшего незаконный приказ или распоряжение, следует рассматривать при наличии к тому оснований как подстрекательство к совершению преступления или организацию этого преступления» [61].

Действительно между организатором и подстрекателем много общего, на что обращает внимание О.В. Климанова [29, с. 84].

Оба этих соучастника являются «идейными вдохновителями» преступной деятельности, её инициаторами. Но есть и различия, для

установления которых считаем целесообразным следующим проанализировать фигуру подстрекателя.

2.2 Подстрекатель преступления

В отличие от организатора, сущность действий подстрекателя раскрывается в ч. 4 ст. 33 УК РФ – это «склонение другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом» [73].

В.К. Дуюнов здесь также обращает внимание на объективную и субъективную стороны его действий. Собственно то, что прописано в ч. 4 ст. 33 УК РФ, он относит к объективной стороне подстрекательства, а к субъективной – наличие только прямого умысла на совершение посягательства [16, с. 139].

Из анализа объективных признаков подстрекательства, указанных в ч. 4 ст. 33 УК РФ, можно сделать вывод, что его действия могут выражаться как в физическом, так и психическом воздействии на будущего исполнителя. Так, к физическим действиям можно отнести подкуп или нанесение побоев (что следует рассматривать как категорию «другой способ»).

В свою очередь психическое склонение заключается в словесной или письменной форме (уговорах или угрозах применения насилия). Кроме того, при угрозах может иметь место сочетание физического и психического воздействия.

Наши доводы о том, что подстрекательство может выражаться в насильственном воздействии вытекает из положений ряда постановлений Пленума В РФ, где даётся толкование термина «склонение» применительно к отдельным составам преступлений, предусматривающим такой признак.

Так, в частности, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 под склонением как составляющей объективной стороны преступления по ст. 205.1 УК РФ понимается, в том числе, физического воздействия на вовлекаемое лицо [56].

В абз. 1 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 относительно квалификации преступления по ст. 230 УК РФ уже конкретно прописано, что склонение может выражаться в психическом или физическом насилии [53].

Соответственно, подстрекатель, если примененное насилие к исполнителю содержит признаки самостоятельного состава преступления, например, в виде умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести, должен нести ответственность за оконченное деяние по ст. 112 УК РФ.

Термин «другой способ» как составляющую действий по подстрекательству, в результате проведенного нами системного анализа норм УК РФ (ч. 1 ст. 110.1, ч. 1 ст. 151.2, примечание к ст. 230.1 УК РФ), подразумевает: предложения, обещания и обман.

А.К. Субачев в качестве субъективной составляющей подстрекательства также указывает на его конечную цель – «склонение другого лица к совершению определенных действий, а не только к принятию решения совершить их» [67, с. 67].

Автор констатирует, что «наличие подобной цели свидетельствует о том, что подстрекательство может совершаться только в форме активного действия» [67, с. 67], критически относясь к мнению тех авторов, которые допускают осуществление этого вид соучастия и путем бездействия.

Действительно, следует согласиться с мнением А.К. Субачев, что даже незначительные жесты и движение глаз – это уже проявление действия, а не бездействия.

В литературе поднимается вопрос об определении момента окончания подстрекательства [29, с. 84].

Ответ на него мы находим у правоприменителя. Так, из содержания абз. 4 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 следует, что вовлечение в совершение преступления (что, по сути является склонением по мнению О.В. Климановой [29, с. 84]), «считается оконченным

с момента совершения лицом преступления, приготовления к преступлению или покушения на преступление» [55].

Необходимо отметить, что все те преступления, закрепленные в Особенной части УК РФ, объективная сторона которых предусматривает склонение, вовлечение и иные действия, по сути, свидетельствующие о подстрекательстве, квалифицируются вне рамок норм Общей части УК РФ о соучастии, так как предусматривают специальную самостоятельную ответственность.

К примеру, речь идет о ст. ст. 150, 151, 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 1 ст. 281.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2. ч. 2 ст. 361 УК РФ.

Возвращаясь к вопросу о разграничении действий подстрекателя и организатора необходимо отметить следующее:

По содержанию субъективной стороны признаки организатора преступления и подстрекателя совпадают.

Для обоих видов соучастников характерен прямой умысел, хотя, как отмечалось в главе первой, некоторые авторы допускает наличие у подстрекателя косвенный умысел, с чем мы не согласны.

Различия между данными видами соучастников необходимо проводить по объективной стороне их действий.

Так, к примеру, в доктрине отмечается, что «простая оплата заказного убийства не является организацией преступления, а подпадает под признаки подстрекательства к совершению преступления путем подкупа» [70, с. 210].

О.В. Климанова, проводя различия между организатором и подстрекателем на основе сущности «заказного» убийства, приходи к выводу, что для признания лица организатором в таком случае требуется установит ««властеотношения» с исполнителем и помимо склонения лица к совершению преступления выполнит хотя бы одно другое действие, связанное с руководством преступлением или его организацией...Роль организатора в таком случае будет поглощать роль подстрекателя» [29, с. 83-84].

Таким образом, для привлечения лица к ответственности по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве организатора, его действия должны выражаться и в оплате «заказа», и в подборе исполнителя, и в разработке плана и т.д. Иными словами, возбуждением желания о совершении посягательства (подстрекательством) его деятельность не ограничивается.

Как справедливо констатирует О.В. Климанова, «...деятельность подстрекателя значительно уже: в отличие от организатора, склоняя других к совершению преступлений, он не предпринимает усилий для объединения соучастников, руководства преступлением, определения форм и способов его совершения и т.п. При этом подстрекательская деятельность может входить в организацию...» [29, с. 84].

Следовательно, по объему действий организаторская и подстрекательская деятельность, если так можно выразится, соотносятся как целая и часть. При этом, последующий этап, поглощает предыдущий, то есть склонение (подстрекательство) будет поглощено последующими действиями по разработке плана преступления, координации деятельности соучастников и так далее (организаторскими действиями).

Подстрекательство по своей содержательной характеристике также необходимо отграничивать от пособничества, прежде всего, интеллектуального, поэтому в следующем параграфе рассмотрим именно пособничество.

2.3 Пособник в преступлении

Определение пособника даётся в ч. 5 ст. 33 УК РФ. Это лицо, которое содействовало совершению преступления «советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы

преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы» [73].

Данные положения закона дублируются в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ:

Так, в абз. 3 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 прописано: «Действия лица, непосредственно не вступавшего в половое сношение или не совершавшего действия сексуального характера с потерпевшим лицом и не применявшего к нему и к другим лицам физического или психического насилия при совершении указанных действий, а лишь содействовавшего совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации виновному либо устранением препятствий и тому подобное, надлежит квалифицировать по части 5 статьи 33 УК РФ» [57].

В свою очередь в абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12. 2002 г. № 29 также указывается: «Действия лица, непосредственно не участвовавшего в хищении чужого имущества, но содействовавшего совершению этого преступления советами, указаниями либо заранее обещавшего скрыть следы преступления, устранить препятствия, не связанные с оказанием помощи непосредственным исполнителям преступления, сбыть похищенное и тому подобное, надлежит квалифицировать как соучастие в содеянном в форме пособничества со ссылкой на часть пятую статьи 33 УК РФ» [52].

В научной доктрине давно устоялась позиция, что пособничество необходимо подразделять на два вида в зависимости от формы оказания содействия в преступлении – интеллектуальное и физическое [16, с. 139], [29, с. 89], [48, с. 30].

Соответственно интеллектуальное пособничество связано с вербальной формой осуществления деятельности данного вида соучастника, что включает, исходя из положений ч. 5 ст. 33 УК РФ, устный или письменный способы дачи советов, указаний, предоставление информации, а также в различных обещаниях, данных заранее («скрыть преступника, средства или

орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а также приобрести или сбыть такие предметы» [73].

Что касается физического пособничества, которое должно предполагать определенные активные действия от лица, то из буквального толкования ч. 5 ст. 33 УК РФ он заключается в устранении препятствий, т.е. «преодоление физических преград» [29, 89], в предоставлении «средств или орудий совершения преступления» [73]. В.К. Дуюнов также дополняет этот перечень, «оказанием финансовой поддержки исполнителю при подготовке и совершении преступления» [16, с. 139].

Таким образом, в целом речь идет об определенной деятельности, которую осуществляет пособник до или в процессе совершения исполнителем преступления.

Что касается правой оценки действий лица в виде фактического сокрытия субъекта, средств или орудий и так далее, которые он совершает после обещания их реализовать по окончании посягательства, то данный вопрос решается неоднозначно в силу наличия в УК РФ двух статей об ответственности за «заранее не обещанное укрывательство преступления» (ст. 316 УК РФ) [73] и «заранее не обещанное приобретение имущества, добытого преступным путём» (ст. 175 УК РФ) [73]. Это так называя в научной доктрине прикосновенность к преступлению [29, с. 32-33].

Так, О.В. Климанова по данному поводу пишет следующее: «заранее обещанное укрывательство преступника или предмета преступления – это соучастие в виде пособничества, а заранее не обещанное укрывательство – прикосновенность к преступлению ввиду отсутствия признака совместности деяния» [29, с. 31].

Следовательно, если пособник реализует обещания, данные им исполнителю, к примеру, по сокрытию убийства или приобретению похищенного имущества, то подобного рода действия не требуют дополнительной квалификации по ст. ст. 316, 175 УК РФ.

О.В. Климанова обращает внимание, что «весьма непросто отграничить пособника от исполнителя (соисполнителя) преступления» [29, с. 91].

Справедливость данного вывода можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики:

По приговору Майского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 09.10.2024 г. С. была осуждена по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с такой квалификацией по следующим основаниям:

«Квалифицируя действия С. как пособничество в незаконном приобретении наркотического средства, суд не конкретизировал действия, которые охватываются приведенным понятием пособничества, предусмотренным законом. Что из перечисленного выше, как пособник, совершила С., в описании преступного деяния не отражено. При этом суд установил, что С. получила денежные средства от покупателя, приобрела из тайника наркотическое средство, передала часть его другому лицу часть оставив себе в качестве вознаграждения. Таким образом, из описания преступного деяния, установленного судом, следует, что действия С. по передаче наркотического средства третьему лицу выходят за пределы перечня действий, предусмотренных ч. 5 ст. 33 УК РФ. По существу, суд описал самостоятельные действия С., в числе которых не только приобретение наркотика и его передача третьему лицу, но и наличие собственного интереса в установленной схеме преступления. Описав действия С. как исполнителя в сбыте, суд между тем квалифицировал их как пособничество в приобретении, исходя лишь из того факта, что инициатором покупки явился другой гражданин и на его деньги куплено наркотическое средство» [22], [40].

Данный пример наглядно демонстрирует ошибки, допускаемые как на стадии предварительного расследования, так и судебного разбирательства, связанные с правильной оценкой действий соучастников. Здесь не только

неверно был определен вид соучастника, но и вследствие этого дана ошибочная квалификация – вместо ст. 228.1 УК РФ, по ст. 228 УК РФ.

Отвечая на вопрос об отграничении пособничества от подстрекательства, отметим следующие ключевые моменты:

Во-первых, различия по объективной стороне заключаются в том, что если, как отмечалось выше, подстрекательство может совершаться только в форме действия, то пособничество, по мнению учёных, с которыми мы согласны, допускается и в форме бездействия [29, с. 89], [48, с. 30], [16, с. 140].

К примеру, контролер на пропускном пункте завода, по предварительной договоренности не проводит досмотр лица, осуществляющего незаконный вынос продукции, либо сотрудник таможни без досмотра пропускает багаж пассажира, ввозящего наркотики на территорию РФ.

Во-вторых, если роль подстрекателя, как установлено выше, заключается в возбуждении у исполнителя желание совершить преступление, то пособник «не формирует у исполнителя желания совершить преступление и тем более не направляет его действий» [48, с. 31].

Таким образом, задача пособника – укрепить решимость исполнителя осуществить посягательство.

В-третьих, различия по субъективной стороне заключается в том, что умысел, которым руководствуется, подстрекатель, что опять же указывалось ранее, может быть только прямым, тогда как для пособника характерен как прямой, так и косвенный умысел. Такой позиции придерживаются многие учёные [29, с. 140], [48, с. 31].

Учитывая вышеизложенное, по сравнению с организатором и подстрекателем, пособник традиционно считается менее опасным видом соучастника.

Необходимо также отметить, что УК РФ содержит ряд составов преступлений, предусматривающих самостоятельную ответственность за пособнические действия. К примеру, ч. 3 ст. 205.1, ч. 3 ст. 281.1, ст. 291.1 УК

РФ. В этом случае действия пособника рассматриваются вне рамок положений о соучастии.

2.4 Исполнитель преступления

Последним, четвертым видом соучастника, является исполнитель. Несмотря на то, что самым опасным из всех соучастников, признается организатор, нельзя преуменьшать и опасность исполнителя. Дело в том, что это именно то лицо, которое непосредственно совершает преступление.

Ранее уже неоднократно затрагивался вопрос о действиях исполнителя в рамках соучастия, поэтому здесь аккумулируем ключевые моменты, связанные с личностью этого соучастника.

Прежде всего, законодатель выделяет три вида лиц, исполняющих преступление:

- лицо, единолично непосредственно выполняющее посягательство, собственно, и именуемый исполнитель;
- соисполнитель – лицо, «непосредственно участвовавшее в совершении преступления совместно с другими лицами» [73];
- посредственный исполнитель – «лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств» [73].

Как отмечает В.К. Дуюнов, «с объективной стороны исполнителя непосредственно выполняет те действия, которые описаны в диспозиции статьи Особенной части УК в качестве преступления» [16, с. 137-138].

В свою очередь О.В. Климанова обращает внимание на категорию «непосредственность», являющуюся неотъемлемой частью сущности исполнительских действий, что вытекает из положения ч. 2 ст. 33 УК РФ, в которой она указана, но не раскрыта.

Так, автор пишет: «...термин «непосредственности» не содержателен. Порой речь идет о его толковании через критерий времени – то есть «во время совершения преступления», что на самом деле не отражает ролевой особенности исполнителя. Указанный критерий дополнительно позволяет разграничить роли между собой, но основным является функциональный критерий – выполнение объективной стороны преступления полностью или в части» [29, с. 65-66].

Как было установлено в предыдущем параграфе, в правоприменительной практике могут возникнуть вопросы отграничения действий исполнителя от действий пособника.

Так, в ранее приведенном примере, было установлено, что из-за выбора неверной уголовно-правой нормы неправильно была определена роль осужденной в соучастии – не как исполнителя, а как пособника [22], [40].

В другом случае вышестоящий суд не нашел оснований для переквалификации действий Р.Б. Друца как исполнителя преступления по ч. 2 ст. 228 УК РФ на пособничество в этом деянии, «ибо судом установлено, что он принимал непосредственное участие в производстве наркотических средств» [25].

С субъективной стороны действия исполнителя, как было установлено в главе первой настоящего исследования, могут быть совершены как с прямым, так и косвенным умыслом, но первый вид превалирует.

Что касается соисполнительства, то при анализе форм и видов соучастия, мы определили четыре разновидности этой формы соучастия, перечисленные в ст. 35 УК РФ.

При этом определение наличия или отсутствия соисполнительства зависит от характеристики конкретного общественно опасного деяния, что также было установлено ранее.

В частности, для признания соисполнительства при совершении преступлений по ст. ст. 105, 111, 112 УК РФ необходимо непосредственное применение насилия к потерпевшему каждому из соучастников.

Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики:

По приговору Советского районного суда гражданин был осужден по ч. 3 ст. 30, п. п. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Однако вышестоящая судебная инстанция исключила из объема обвинения п. «ж» по следующим основаниям:

«Осужденный, прибыв к месту жительства семьи С-вых, двигаясь со значительной скоростью на автомобиле Mazda CX-9, с целью лишения жизни, попытался совершить наезд на одного из потерпевших, однако довести свой преступный умысел до конца Ф не смог, так как потерпевший отпрыгнул в сторону, после чего, продолжая преступный умысел, не снижая скорости и направление движения своего автомобиля, совершил наезд на несовершеннолетнего, находившегося позади первого потерпевшего, которого протащил несколько метров на капоте автомобиля, а когда тот упал, переехал ему ноги» [21].

В итоге, как было установлено кассационной инстанцией, осужденный «один выполнял объективную сторону преступления, действий по лишению жизни иных лиц не предпринимал, равно как и другие участники конфликта не выполняли объективной стороны преступления в отношении С-вых совместно с осужденным» [21].

В другом случае приговор суда первой инстанции был оставлен в силе. По нему три гражданина, И.В. Фирсов, А.С. Шестеркин, А.В. Скрыбин, были «осуждены по совокупности п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ за совершение убийства С. и причинение тяжкого вреда здоровью Г. Все преступления были совершены ими как соисполнителями, что подтвердила вышестоящая инстанция, указавшая, что осужденные непосредственно выполняли объективную сторону преступлений» [4].

Как отмечалось ранее, если речь идет о совершении преступления организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), то организатор и участники данных преступных образований,

независимо от того, выполняли ли они непосредственно объективную сторону или нет, несут ответственность как соисполнители.

Как соисполнительство рассматривается ситуация, когда распределение ролей между соучастниками носило технический характер [69, с. 83].

Что касается посредственного исполнения, то, как отмечалось в первой главе настоящего исследования, среди учёных нет единства мнений относительно отсутствия в данном случае признаков соучастия или «группового исполнения».

Наша позиция по этому вопросу также уже была высказана – соучастие образуют действия лиц, которые являются субъектами преступлений.

По итогам анализа вопросов, изложенных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы:

Характеристику всех видов соучастников необходимо проводить с учётом признаков объективной и субъективной стороны. Так, с субъективной стороны вина организатора и подстрекателя выражается только в форме и виде прямого умысла, а подстрекателя и исполнителя – прямого и косвенного умысла. По объёму действий организаторская и подстрекательская деятельность соотносятся как целая и часть. При этом, последующий этап, поглощает предыдущий, т.е. склонение (подстрекательство) будет поглощено последующими действиями по разработке плана преступления, координации деятельности соучастников и т.д. (организаторскими действиями).

В свою очередь подстрекательство необходимо ограничивать от действий пособника по признакам объективной стороны.

Во-первых, подстрекательство может совершаться только в форме действия, а пособничество допускается и в форме бездействия.

Во-вторых, если роль подстрекателя заключается в возбуждении у исполнителя желание совершить преступление, то задача пособника – укрепить решимость исполнителя осуществить посягательство.

Глава 3 Ответственность соучастников в преступлении

3.1 Основания и пределы ответственности соучастников в преступлении

В.К. Дуюнов пишет о том, что «соучастие не создает каких-либо особых оснований уголовной ответственности. Основанием уголовной ответственности соучастников, как и при совершении преступления одним лицом, является наличие в совершенных ими действиях состава преступления...» [16, с. 140].

Действительно, уголовно-правовые отношения возникают при выявлении факта нарушения уголовного запрета. Это приводит к совершению посягательства любым лицом, признаваемым субъектом преступления.

Однако, как было установлено в предыдущих главах, роли соучастников в совершаемом посягательстве разные, что должно учитываться и при квалификации преступления, и при назначении наказания, что соответствует основополагающим конституционным принципам и принципам уголовного права.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 21 Конституции РФ «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [32]. «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ) [32].

В свою очередь, в Определении Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 г. № 862-О закреплено, что ч. 2 ст. 35 УК РФ призвана «обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные

действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» [42].

Согласно принципам Конституции РФ и УК РФ, которые необходимо соблюдать при привлечении к ответственности и назначении наказания лицам, совершившим преступление, ст. 34 УК РФ устанавливает степень и характер ответственности для каждого из видов соучастников, указанных в ст. 33 УК РФ.

В теории уголовного права положения ст. 34 УК РФ именуется «пределы уголовной ответственности соучастников» [16, с. 140].

В связи с этим одна из активно обсуждаемых тем в научной доктрине – это применимость так называемой «акцессорной теории соучастия».

В частности, Д.А. Янковский пишет о том, что «современное уголовное право России базируется на акцессорной концепции соучастия, смысл которой заключается в признании возможности наступления ответственности лиц по правилам о соучастии лишь при наличии преступного поведения исполнителя» [76, с. 15]. В этой связи автор оспаривает «имеющиеся в теории уголовного права и судебной практике позиции о возможности самостоятельной ответственности соучастников за приготовление к соучастию или за соучастие в приготовлении к преступлению» [76, с. 15].

Ретроспективный анализ природы и оснований ответственности соучастников проведен А.К. Субачевым.

Данный автор, следуя за Д.А. Янковским, указывает на акцессорную теорию ответственности соучастников. Но при этом он указывает, что «исторически данной теории противостояла другая – самостоятельной ответственности соучастников, суть которой состояла в отрицании производного характера ответственности соучастников от ответственности исполнителя. Основной тезис звучал следующим образом: сколько соучастников – столько и преступлений. Следствием концепции самостоятельной ответственности выступало отсутствие юридической связи между преступлениями, совершаемыми соучастниками, что создавало

возможность возложения уголовной ответственности на соучастников безотносительно к ответственности исполнителя преступления.» [67, с. 44-45].

В итоге, А.К. Субачева не делает столь однозначный вывод как ранее процитированный Д.А. Янковский, о превалировании акцессорной теории: «Руководствуясь исключительно положениями той или иной концепции, обосновать ответственность за соучастие в преступлении по действующему уголовному закону России едва ли возможно. Односторонний подход к основанию ответственности соучастников неизбежно приведет к противоречию требованию об основании уголовной ответственности, изложенному в ст. 8 УК РФ» [67, с. 46].

В этой связи, в научной доктрине А.А. Арутюновым высказывается предложение о так называемой «гибридной теории о природе преступного соучастия, суть которой заключается в сочетании двух концепций» [6, с. 8].

Соответственно, данный учёный предлагает «изучать институт соучастия как социально интерактивное явление, то есть исходя из его социальной природы, и понимает его в качестве системы соучастников, которые уверенно и изобретательно принимают участие в существовании друг друга, взаимодействуют между собой в виде группы, чтобы достичь свои цели, выполняют действия с некоторой честностью, чтобы достичь общий преступный результат» [6, с. 8].

Схожей позиции придерживается Ю.И. Пудовочкин, предлагая «смешанную теорию о природе соучастия», в пользу которой выдвигает фактически тот же аргумент, что и А.А. Арутюнов: «хотя ответственность соисполнителей является независимой, в некоторых случаях эта ответственность зависит от деятельности и ответственности исполнителя» [63, с. 112-113].

Нам в этом плане близка позиция В.К. Дуюнова, основанная на положениях УК РФ. Он считает акцессорную теорию соучастия неприемлемой и придерживается принципа индивидуальной ответственности, вытекающего из содержания ст. ст. 60, 67 УК РФ [16, с. 141].

В частности, в ч. 3 ст. 60 УК РФ, прописано, что «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного» [73].

Далее вышеуказанные общие начала назначения наказания конкретизируются в ст. 67 УК РФ.

Исходя из содержания данной нормы следует, что законодатель здесь говорит об индивидуализации ответственности каждого соучастника, что выражается в учёте при назначении наказания:

- «характера и степени фактического участия лица в совершении посягательства;
- значение участия соучастника для достижения цели преступления;
- влияние соучастника на характер и размер причиненного или возможного вреда» [73].

В этой связи, возвращаясь к положениям ст. 34 УК РФ, необходимо отметить следующее:

Для правильного назначения наказания соучастникам с соблюдением положений ст. ст. 60, 67 УК РФ, необходимо правильно квалифицировать их действия, определив пределы их ответственности.

Исполнитель преступления, хотя он и не упоминается в ст. 34 УК РФ, должен нести ответственность только по той норме Особенной части УК РФ, где закреплён вид преступления, которое он совершил.

Такой вывод следует из толкования ч. 3 ст. 34 УК РФ, где перечислены остальные виды соучастников, чьи действия квалифицируются со ссылкой на ст. 33 УК РФ, т.е. в порядке исключения исполнителя из данного перечня.

Аналогично исполнителю, решается вопрос и об ответственности соисполнителей, что закреплено в ч. 2 ст. 34 УК РФ.

В этой связи, как неоднократно отмечалось выше, соисполнителями признаются и члены группы лиц, и группы лиц по предварительному сговору, и организованной группы.

Так, ранее был приведен пример с квалификацией действий осужденного И.Ф. Закирова, признанного виновным в убийстве, хотя непосредственно участие в лишении жизни потерпевшего не принимал (что влияло бы на правовую оценку его действий, если бы речь шла о совершении преступления группой лиц и группой лиц по предварительному сговору), но являлся участником организованной группы [3].

Специфична ответственность членов преступного сообщества (преступной организации), которые также все признаются соисполнителями независимо от их роли в совершенном преступлении, что также отмечалось в главе первой настоящего исследования.

Обратим внимание, что УК РФ предусматривает в ст. 209 УК РФ ответственность для членов особой разновидности организованной группы с признаком «вооруженности» – банды. Соответствующая квалификация действий организаторов и участников банды здесь схожа с квалификацией действий организаторов и участников преступного сообщества (преступной организации) – по совокупности ст. 209 УК РФ и соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

В случае сложного соучастия, когда роли между соучастниками распределены фактически, а не технически, как при соисполнительстве, действия организатора, подстрекателя и пособника квалифицируются по соответствующим частям ст. 33 УК РФ: организатор – по ч. 3, подстрекатель – по ч. 4, пособник – по ч. 5.

Как отмечалось в предыдущей главе, Особенная часть УК РФ предусматривает самостоятельную ответственность за подстрекательство и пособничество в совершении посягательств определенного характера, что не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ.

Таким образом, в данном случае можно говорить, что на сегодняшний день УК РФ предусматривает общие положения об ответственности отдельных соучастников и специальные. В этой связи, считаем целесообразным отразить это в ст. 34 УК РФ по примеру ст. 75 УК РФ, где

отражены общие и специальные условия освобождения от уголовной ответственности.

На основании вышесказанного предлагаем ч. 3 ст. 33 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления, а также в случаях, когда ответственность за действия организатора, подстрекателя и пособника специально предусмотрены соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

3.2 Эксцесс исполнителя

Как отмечалось в главе первой настоящего исследования, соучастие должно обладать субъективными и объективными признаками. Соответственно, может возникнуть ситуация, когда один или несколько соучастников совершают преступление, выходящее за пределы совместного умысла остальных соучастников. В таком случае речь идёт об эксцессе исполнителя, понятие которого даётся в ст. 36 УК РФ.

О.В. Климанова выделяет в эксцессе исполнителя объективные и субъективные критерии.

К объективному критерию автор относит факт единоличного совершения соучастником деяния, «а не совместно с другими соучастниками» [29, с. 161]. К субъективному – совершение преступления, «о котором не были осведомлены другие соучастники» [29, с. 161].

В.К. Дуюнов и О.В. Климанова различает два вида рассматриваемой уголовно-правовой категории: качественный и количественный [16, с. 142], [29, с. 161-162].

В качестве основания такой дифференциации В.К. Дуюнов указывает на «особенность отклонения исполнителя во время совершения преступления от реализации совместного намерения соучастников» [16, с. 142].

«При количественном эксцессе исполнитель совершает деяние, однородное с задуманным соучастниками. Однако при этом изменяет условия его совершения, что приводит к более тяжким последствиям» [16, с. 142].

Такая ситуация зачастую складывается при совершении различных форм хищения, когда согласованная между соучастниками кража в итоге перерастает в грабеж или разбой, совершаемых кем-то из соучастников.

Так, Л.А.Е. и Ч.А.Н. были осуждены по ч. 2 ст. 162 УК РФ, т.е. за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции переqualificировала действия Л.А.Е. с ч. 2 ст. 162 УК РФ на п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, признав эксцесс исполнителя у Ч.А.Н. по следующим основаниям: «...доказательств осведомленности Л.А.Е. о намерении Ч.А.Н. применить к потерпевшему насилие, опасное для жизни и здоровья, а также наличия предварительной договоренности на применение такого насилия, не представлено. Совместный и согласованный характер действий осужденных при завладении денежными средствами и ланч-боксом достаточным основанием для квалификации действий Л.А.Е. по ч. 2 ст. 162 УК РФ не является, поскольку примененное для этого Ч.А.Н. насилие в виде удара в лицо потерпевшему к опасному для жизни и здоровья не относится» [47].

Качественны эксцесс В.К. Дуюнов и О.В. Климанова определяют как такую ситуацию, при которой «посягательство исполнителем осуществляется на иной объект» [16, с. 142] или преступление со специальным субъектом [29, с. 161].

К примеру, соучастники согласовали совершение грабежа, однако в процессе посягательства один из соучастников убивает потерпевшего. Подобного рода случае, к сожалению, нередки. Соответственно, объектом

грабежа являются отношения собственности, а убийства – жизнь другого человека.

В частности, П.М.ОА. была осуждена по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и ч. 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции отменила приговор в части осуждения П.М.ОА. по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указав следующее: «установленные и подтвержденные исследованными доказательствами обстоятельства свидетельствуют о том, что П.Е. и П.М.ОА., договариваясь о хищении имущества, не обсуждали возможность убийства Потерпевшей № 3. Убийство совершил П.Е., выйдя за рамки договоренности с П.М.ОА., в связи с чем в данном случае применительно к причинению смерти потерпевшей в действиях П.Е. имел место эксцесс исполнителя» [1].

Из буквальной формулировки положений ст. 36 УК РФ следует, что эксцесс могут образовывать только действия исполнителя.

Однако, в ст. 37 Модельного кодекса, упомянутого в главе настоящего исследования, понятие эксцесса изложено иначе: «Эксцессом соучастника признается совершение лицом преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс соучастника другие соучастники уголовной ответственности не подлежат» [36].

К формулировке Модельного кодекса одобрительно относятся в научной доктрине:

«Такой подход способствует разрыву зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя» [28, с. 71].

«Гипотетически возможно представить ситуации и эксцесса других соучастников, например, пособника в случае предоставления фактического орудия совершения преступления (бутылки алкоголя с ядом), когда исполнитель об этом не осведомлен» [29, с. 161].

Мы полагаем такую позицию заслуживающей внимание, и целесообразно изложить ст. 36 УК РФ по аналогии со ст. 37 Модельного кодекса.

3.3 Добровольный отказ от соучастия

УК РФ содержит специальные положения о добровольном отказе соучастников от преступления. Напрямую они закреплены в ч. ч. 4 и 5 ст. 31 УК РФ и касаются трех видов соучастников – организатора, подстрекателя и пособника. А что же с исполнителем?

О.В. Климанова к исполнителю применяет общие положения о добровольном отказе от преступления, предусмотренные в ч. ч. 1-3 ст. 31 УК РФ.

Соответственно к условиям признания в действиях исполнителя признаков добровольного отказа автор относит:

- определённые временные рамки (стадии приготовления и покушения на преступление);
- добровольность, т.е. отказ по «доброй воле» без вынужденного характера;
- окончательность, т.е. отказ не носит временный характер;
- «лицо должно осознавать фактическую возможность доведения преступления до конца. Если такого осознания нет, отказ не признается добровольным» [29, с. 171];
- «полный отказ, а не отказ от повторения покушения» [29, с. 171].

Таким образом, исполнителю, как лицу, непосредственно совершающему посягательство, достаточно соблюсти вышеперечисленные условия.

А вот остальным соучастникам помимо этих общих условий, необходимо выполнить специальные, указанные в ч. ч. 4 и 5 ст. 31 УК РФ, и

ориентированные на конкретный вид соучастника в зависимости от его роли в преступлении.

Так, согласно ч. 4 ст. 31 УК РФ, организатор и подстрекатель, учитывая, что именно они порождают желание у исполнителя совершить преступление, должны «своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца» [73].

Соответственно, как резюмирует О.В. Климанова, для организатора и подстрекателя форма отказа должна быть только активной [29, с. 171].

Так, к примеру Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции не нашла оснований для изменения приговора Кольского районного суда Мурманской области, вынесенного в отношении А. по нескольким преступлениям, в том числе по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

«А. оспорил осуждение по обозначенной статье Особенной части УК РФ, считая, что в его действиях имел место добровольный отказ. Однако вышестоящая судебная инстанция указала: материалами дела подтверждается, что преступление не было доведено до конца по причине бездействия самого А., а не по причинам от него не зависящим» [26].

Если же вернуться к исполнителю, то для него характерна как пассивная (отказ от совершения преступления), так и активная (изобличение других соучастников) форма отказа.

Законодатель не определил конкретный перечень действий, которые должен предпринять организатор и подстрекатель для предотвращения преступления. Например, после того как у исполнителя было возбуждено желание совершить преступление, организатор или подстрекатель могут попытаться отговорить его от осуществления посягательства.

Пособник согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ должен «предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления» [73].

Как мы видим формулировка здесь абстрактная.

В литературе действия пособника по добровольному отказу дифференцируют на интеллектуальные и физические.

Так, В.К. Дуюнов об интеллектуальном пособнике пишет следующее: он должен «нейтрализовать либо устранить созданные его усилиями условия, которые содействовали бы укреплению решимости исполнителя совершить соответствующее преступление» [16, с. 142].

В свою очередь действия физического пособника, по мнению автора, «должны выражаться только в активной форме, свидетельствующей об устранении созданных его действиями благоприятных обстоятельств для совершения преступления исполнителем» [16, с. 142].

К примеру, по приговору Ленинградского областного суда И. был оправдан в совершении преступления, предусмотренного ч. ч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст.30 и п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ, по следующим основаниям:

«Как следует из обвинения для И., как подстрекателя и пособника, создание им возможности совершения преступления выражалось в том, что он подыскал соучастника преступления и предоставил исполнителям убийства информацию о потерпевшем. Устранение созданной И. возможности совершения убийства К., могло выражаться только в его активных действиях. Как установлено в судебном заседании предпринятые И. меры к предотвращению доведения убийства исполнителем до конца, выразившиеся в сообщении правоохранительным органам места совершения преступления и сведений о потерпевшем, привели к предотвращению убийства К., путем предупреждения правоохранительными органами К. о готовящемся покушении, а также, в последующем, задержания исполнителей убийства. Указанное сообщение и принятые И. меры по предотвращению совершения исполнителями убийства, были своевременными, поскольку это привело к предотвращению совершения убийства К., а также окончательными, так как участие И. в приготовлении к убийству выразилось в пособничестве и подстрекательстве, которые он выполнил, и его дальнейшая преступная деятельность по доведению преступления исполнителем до конца выразилась

в преступном бездействии, которое он прекратил до начала действий исполнителя убийства. При таких обстоятельствах, следует признать, что в действиях И. усматривается добровольный отказ от преступления и как подстрекателя, поскольку его активные действия, выразившиеся в своевременном сообщении органам власти сведений о месте убийства и сведений о потерпевшем привели к предотвращению доведения убийства исполнителем до конца, и как пособника, поскольку он, сообщив органам власти место совершения убийства и сведения о потерпевшем, предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить преступление, что привело к предотвращению совершения исполнителями убийства» [62].

Обратим внимание, что суд акцентировал внимание на форму добровольного отказа, что совпадает с позицией учёных.

О.В. Климанова в своём исследовании поднимает вопрос об отнесении отдельных положений Особенной части УК РФ, где есть специальные основания освобождения от уголовной ответственности для соучастников, к примеру в ст. ст. 208, 210, 282.1, 282.2 УК РФ, к добровольному отказу от преступления.

Мы считаем, что в данном случае нельзя говорить о добровольном отказе от преступления. Здесь речь идет о специальной разновидности деятельного раскаяния (ч. 2 ст. 75 УК РФ), относимой к институту освобождения от уголовной ответственности.

Кроме того, во всех примечаниях к перечисленным статьям Особенной части УК РФ содержится формулировка «лицо, совершившее преступление». Это означает, что все действия по нейтрализации преступной деятельности лицо совершает после окончания посягательства, а не на стадии приготовления и покушения как при добровольном отказе.

3.4 Проблемы квалификации действий соучастников в преступлении со специальным субъектом

Положения о соучастии в преступлении со специальным субъектом содержатся в ч. 4 ст. 33 УК РФ. Здесь прописано: «лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника» [73].

Однако такая формулировка вызывает справедливую критику в научной доктрине.

Так, Б.В. Волженкин отмечает, что «законодательное положение, сформулированное в ч. 4 ст. 34 УК РФ, не является абсолютным, применимым ко всем без исключения случаям соучастия в преступлении, совершаемым специальным субъектом» [13, с. 12].

Действительно, если к примеру, обратиться к положениям ст. 106 УК РФ, где специальным субъектом является только мать новорожденного ребёнка, то в данном случае остальные лица, участвовавшие в убийстве новорожденного, должны нести ответственность по ст. 105 УК РФ, т.е. их действия не квалифицируются как организация, подстрекательство или пособничество к совершению преступления по ст. 106 УК РФ.

Такой вывод основан на позиции ряда учёных. Так, Н.А. Лопашенко по данному поводу пишет следующее: «... в случае совершения убийства двумя лицами – матерью ребенка совместно с кем-либо, например, с его отцом, – необходимо дать разную квалификацию действий этих лиц: для матери – ст. 106 УК РФ (при наличии всех ее признаков), для отца – п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [34, с. 583].

А.Н. Попов соглашаясь с мнением Н.А. Лопашенко, как раз обращает внимание на то, что несмотря на правильность такой позиции, она противоречит действующему законодательству [49, с. 115].

В этой связи Н.Ф. Кузнецова считает, что в расширительном толковании нуждается ч. 3 ст. 34 УК РФ: «Дело в том, что составы со специальным субъектом можно подразделить на два вида. В одном субъект исключительно специальный. В другом виде составов сочетаются специальные и общеуголовные правоотношения. Потерпевшие в них выступают как носители специальных признаков, так и общеуголовных. Здесь также нет соисполнительства. Каждый из субъектов отвечает за свое деяние. Однако общий субъект помимо ответственности, согласно ч. 3 ст. 34 как организатор, подстрекатель или пособник, отвечает по совокупности за общеуголовное преступление» [31, с. 76].

Материалы судебной практики также свидетельствуют о том, что в случае со ст. 106 УК РФ правила квалификации по ч. 4 ст. 34 УК РФ не применяются.

Так, по приговору Мурманского областного суда мать новорожденного (А.А. Широкова) была осуждена по ч. 4 ст. 33, 106 УК РФ, а её «подельница» (С.Н. Качинская), которая по указанию А.А. Широковой пакет с живым новорожденным вынесла на улицу к мусорным контейнерам, осуждена по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ [41].

Соответственно, если бы ребёнок не был новорожденный, обе женщины понесли бы уголовную ответственность по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ.

Другая коллизия связана со ст. 131 УК РФ. Здесь специальный исполнитель – лицо мужского пола. Но женщина, как отмечалось ранее, исходя из содержания абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16, применявшая насилие, несёт ответственность как соисполнитель.

Между тем, анализ руководящих постановлений Пленума Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что в отдельных из них вопрос о

квалификации действий общего субъекта, совершавшего преступление совместно со специальным, решается по общим правилам, прописанным в ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Так, в абз. 4 п. 9.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 прописано: «Если исполнителем преступления является лицо, отвечающее признакам специального субъекта (предусмотренным, например, в частях 5-7 статьи 159, статьях 159.1, 160, 176, 178, 195-199.4, 201 УК РФ), то указанные деяния могут признаваться совершенными группой лиц по предварительному сговору только в случае, когда в совершении деяния участвовали два и более таких субъекта. Иные работники организации не могут признаваться соисполнителями указанных преступлений» [58].

Обратим внимание, что здесь не прописано как должны квалифицироваться действия общего субъекта, в отличии от другого акта – Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48: «Исполнителем мошенничества по ч. ч. 5, 6,7 ст.159 УК РФ, ст. 159.1 УК РФ, ст. 160 УК РФ может являться только лицо, обладающее признаками специального субъекта этого преступления. Исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ лица, не обладающие соответствующим статусом или полномочиями, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, либо с заемщиком, либо с лицом, которому вверено имущество, должны нести уголовную ответственность ... в качестве организаторов, подстрекателей или пособников» (абз. 2 п. 27) [59].

Таким образом, по результатам анализа вопросов, изложенных в настоящей главе, необходимо сделать следующие выводы:

На сегодняшний день УК РФ предусматривает общие положения об ответственности отдельных соучастников и специальные. В этой связи, считаем целесообразным отразить это в ст. 34 УК РФ по примеру ст. 75 УК

РФ, где отражены общие и специальные условия освобождения от уголовной ответственности.

На основании вышесказанного предлагаем ч. 3 ст. 33 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления, а также в случаях, когда ответственность за действия организатора, подстрекателя и пособника специально предусмотрены соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Из буквальной формулировки положений ст. 36 УК РФ следует, что эксцесс могут образовывать только действия исполнителя. Однако, в ст. 37 Модельного кодекса понятие эксцесса изложено шире, охватывая и остальные виды соучастников.

Поскольку фактически эксцесс может иметь место и у других соучастников, мы считаем целесообразным изложить ст. 36 УК РФ по аналогии со ст. 37 Модельного кодекса.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить следующее:

В отличии от многих уголовно-правовых категорий, законодательное определение которых отсутствует, как, к примеру, «уголовная ответственность» и «состав преступления», основные понятие, связанные с институтом соучастия, регламентируются и международно-правовыми актами, и УК РФ.

Проблемы, обусловленные законодательным определением соучастия, сформулированном в ст. 32 УК РФ, и вытекающим из него субъективных и объективных признаков, порождают споры в научной доктрине, а иногда и противоречия в судебной практике.

Анализ понятия и признаков соучастия свидетельствует о том, что в силу несовершенства законодательной конструкции ст. 32 УК РФ по каждому признаку соучастия возникают спорные вопросы.

Аккумулируя все точки зрения, мы приходим к следующим выводам:

Соучастие образуют только действия лиц, являющихся субъектами преступлений.

Субъективная связь между соучастниками должна быть двухсторонней.

Соучастие может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом.

Соучастие в преступлениях с двумя формами вины невозможно, поскольку в конструкцию субъективной стороны таких деяний входит неосторожная форма вины.

Проанализировав различные источники по данному вопросу, мы пришли к выводу, что необходимо внести уточнения в ст. 32 УК РФ за счёт указания на то, что соучастником может являться только лицо, отвечающее признакам субъекта преступления.

Отсутствует в научной доктрине единство в понимании форм и видов соучастия.

Мы полагаем, что два этих термина отождествлять нельзя. При этом, считаем, что существует две формы соучастия – простое (или соисполнительство) и сложное (с исполнением или распределением ролей). А видов соучастия четыре. Все они относятся к разновидностям соисполнительства и перечислены в ст. 35 УК РФ.

Соответственно в ст. 35 УК РФ раскрываются понятия и признаки разновидностей соисполнительства, в частности, организованной группы.

При анализе данной уголовно-правовой категории выявлены определенные расхождения в признаках, указанных в ч. 3 ст. 35 УК РФ, и перечисляемых в судебных актах. В этой связи, дабы не существовало несогласованности между нормами УК РФ и правоприменительной практикой, и учитывая тот факт, что судебный прецедент не является в нашем государстве нормой права, целесообразно изменить положения ч. 3 ст. 35 УК РФ за счёт введения, наряду с признаком «устойчивости», признака «сплоченности».

Характеристику всех видов соучастников необходимо проводить с учётом признаков объективной и субъективной стороны. Так, с субъективной стороны вина организатора и подстрекателя выражается только в форме и виде прямого умысла, а подстрекателя и исполнителя – прямого и косвенного умысла. По объёму действий организаторская и подстрекательская деятельность соотносятся как целая и часть. При этом, последующий этап, поглощает предыдущий, т.е. склонение (подстрекательство) будет поглощено последующими действиями по разработке плана преступления, координации деятельности соучастников и т.д. (организаторскими действиями).

В свою очередь подстрекательство необходимо отграничивать от действий пособника по признакам объективной стороны.

Во-первых, подстрекательство может совершаться только в форме действия, а пособничество допускается и в форме бездействия.

Во-вторых, если роль подстрекателя заключается в возбуждении у исполнителя желание совершить преступление, то задача пособника – укрепить решимость исполнителя осуществить посягательство.

На сегодняшний день УК РФ предусматривает общие положения об ответственности отдельных соучастников и специальные. В этой связи, считаем целесообразным отразить это в ст. 34 УК РФ по примеру ст. 75 УК РФ, где отражены общие и специальные условия освобождения от уголовной ответственности.

На основании вышесказанного предлагаем ч. 3 ст. 33 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления, а также в случаях, когда ответственность за действия организатора, подстрекателя и пособника специально предусмотрены соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Из буквальной формулировки положений ст. 36 УК РФ следует, что эксцесс могут образовывать только действия исполнителя.

Однако, в ст. 37 Модельного кодекса понятие эксцесса изложено шире, охватывая и остальные виды соучастников. Поскольку фактически эксцесс может иметь место и у других соучастников, мы считаем целесообразным изложить ст. 36 УК РФ по аналогии со ст. 37 Модельного кодекса.

Добровольный отказ исполнителя от совершения преступления должен решаться с соблюдением общих условий, а остальных соучастников – в сочетании общих и специальных условий.

Положения ч. 4 ст. 34 УК РФ не применимы в случае совместного совершения преступления по ст.106 УК РФ и ст. 131 УК РФ.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение от 18.12.2023 г. № 55-600/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Апелляционное определение от 17.02.2025 г. № 55-44/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Апелляционное определение от 11.04.2017 г. № 11-АПУ17-9 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Апелляционное определение от 10.10.2019 г. № 47-АПУ19-7 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Апелляционное определение от 18.02.2025 г. № 55-32/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дисс. ... докт. юр. наук. М., 2003. 49 с.
7. Благов Е.В. О понятии соучастника преступления // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 114-123.
8. Благов Е.В. О признаках соучастия в преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 4-10.
9. Бохан А.П. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 5. С. 32-35.
10. Бохан А.П., Петрашева Н.В. Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? // Les Russica. № 5 (114). 2016. С. 217-224.
11. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. 208 с. URL: <https://lawlibrary.ru/> (дата обращения: 27.02.2025).
12. Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2008. 20 с.

13. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С.12-16.
14. Галиакбаров Р.Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40.
15. Горемычкин И.Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дисс. ...канд. юр. наук. М., 2020. 201 с.
16. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. 6-е изд. - М.: РИОР: ИНФРА-М, 2023. 780 с.
17. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы: монография. М. : Проспект, 2016. 305 с.
18. Звечаровский И. Совершение преступления в соучастии: проблемы квалификации // Законность. 1999. № 11. С. 31-33.
19. Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10-15.
20. Кассационное определение от 25.02.2025 г. № 77-795/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
21. Кассационное определение от 22.05.2025 г. № 77-1380/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
22. Кассационное определение от 06.05.2025 г. № 77-503/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
23. Кассационное определение от 07.11.2024 г. № 224-УД24-60-А6 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
24. Кассационное определение от 12.01.2023 г. № 4-УДП22-70-А1 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
25. Кассационное определение от 12.12.2024 г. № 78-УД24-17-А2 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
26. Кассационное определение от 04.02.2021 г. по делу № 77-161/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

27. Клебанов М И. К вопросу о возможности соучастия в преступлениях в двумя формами вины // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 179-185.

28. Кленова Т.В., Мнацаканян Д.Л. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 68-73.

29. Климанова О.В. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии: теоретические, нормативные, судебные позиции: учебное пособие. 2-е изд. Самара: изд-во Самарского университета, 2024. 212 с.

30. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 362 с.

31. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. По состоянию на 1 нояб. 1997 г. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. 2-е изд., испр. и доп. - М. : Зерцало, 1998. 879 с.

32. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. URL: [https:// http://www.pravo.gov.ru](https://http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 27.02.2025).

33. Кругликов Л.Л. Практикум по уголовному праву. Общая часть, Особенная часть. М.: БЕК, 2002. 220 с.

34. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 654 с.

35. Мелешко Д. Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 4. С. 57-65.

36. Модельный уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств от 17.02.1996 г. // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. Общая часть. 7-е изд. М. : Проспект, 2024. 816 с.

38. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 9.

39. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

40. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2024. № 8.

41. Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2008 г. по делу № 34-О08-3 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

42. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 г. № 862-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

43. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 г. № 878-О // Консультант плюс: справочно-правовая система.

44. Определении Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 г. № 1494-О // Консультант плюс: справочно-правовая система.

45. Определение от 05.02.2025 г. № 77-352/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

46. Определение от 19.02.2025 г. № 77-388/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

47. Определение от 27.02.2025 г. № 77-743/2025 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

48. Пинчук В.И. Соучастие в преступлении: Учебное пособие. СПб., 2002. 44 с.

49. Попов А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное пособие. СПб. :

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 136 с.

50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

51. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

52. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

54. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

55. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой

неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

59. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

62. Приговор Ленинградского областного суда от 29 октября 2012 г. по делу № 2-50/2012 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

63. Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 112-113.

64. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М. : ООО «Профобразование», 2001. 133 с.

65. Святенюк Н. Ответственность за изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в нем // Уголовное право. 2005. № 4. С. 45-48.

66. Статистика и аналитика // Состояние преступности за 2024 г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.06.2025).

67. Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ: дисс. канд. юр. наук. Владивосток., 2018. 215 с.

68. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Козаченко И.Я. - 5-и изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М: Норма, 2013. 592 с.

69. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие / Бавсун М.В., Вишнякова Н.В., Карпов К.Н., Николаев К.Д. Омск: Омская академия МВД России, 2022. 188 с.

70. Уголовное право России Общая часть: учебник / под ред. Кикотя А.В., Кутуева Э.К., Антонова А.Г. СПб. : ООО Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2024. 408 с.

71. Уголовное право России: учебник для вузов. В 2-х томах. Т.1. Общая часть / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. - М. : Норма: Инфра-М, 1998. 639 с.

72. Уголовное право: учебное пособие / под общ. ред. Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. - СПб. : Изд-во СПб университета МВД России, 2018. 523 с.

73. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

74. Шелопугина А.В., Афонин Д.А. Соучастие: современные взгляды на его сущность и структуру // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты. Сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей». СПб., 2024. С. 749-759.

75. Шеслер А.В., Шеслер С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59-65.

76. Янковский Д.А. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии, по российскому уголовному законодательству: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2022. 27 с.